

На правах рукописи

Каблуков Евгений Викторович

**«Пленарное заседание Государственной Думы»:
дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты**

Специальность 10.02.01 — Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург

2007

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А.М.Горького»
на кафедре русского языка и стилистики

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Л.М.Майданова**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **И.Т.Вепрева**
кандидат филологических наук,
доцент **Ю.Б.Феденева**

Ведущая организация: Уральский государственный
педагогический университет

Защита состоится _____ 2007 года в ____ часов на заседании
диссертационного совета Д.212.286.03 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук при
Уральском государственном университете им. А.М.Горького по адресу:
620083, г. Екатеринбург, К–83, пр. Ленина, 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Автореферат разослан «___» _____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М.А.Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Во вступительной статье к «Общей лингвистике» Эмиля Бенвениста Ю.С.Степанов отмечает, что «имя французского лингвиста наилучшим образом представляет современный этап науки о языке – лингвистики 70-х годов» XX века. Одной из наиболее значимых черт лингвистики этого периода является внимание к субъективному в языке. «Язык есть семиотическая система, основные референциальные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. С присущей ему простотой Бенвенист называет это свойство "человек в языке" и делает это названием целого раздела своей книги. Иначе все эти черты лингвистической концепции можно назвать антропоцентрическим принципом» (Ю.С.Степанов).

Лингвистика начала XXI века продолжает придерживаться этого принципа. В центре ее внимания сегодня находятся, в частности, проблемы функционирования языка в различных сферах общения. Отсюда исследования и разработка новых идей в области традиционной функциональной стилистики (см., например: М.П.Брандес, О.А.Крылова, Стилистический энциклопедический словарь русского языка и др.). Предметом изучения становятся также более дифференцированные области функционирования языка, в первую очередь профессиональные, для анализа которых привлекаются дискурсивные методики (ср., например, работы: о журналистском дискурсе – Э.В.Чепкиной, Т.А.van Dijk, о педагогическом дискурсе – В.Б.Черник; о политическом дискурсе – М.В.Гавриловой, В.З.Демьянкова, О.Ф.Русаковой, А.И.Хмельцова, Е.И.Шейгал, Т.А.van Dijk).

Настоящая диссертационная работа посвящена современному русскому парламентскому дискурсу. Объект исследования – тексты пленарных заседаний Государственной Думы (ГД). Предмет нашего непосредственного внимания – пленарное заседание ГД в дискурсивном, текстовом и прагматическом аспектах.

Материалом исследования послужили 39 стенограмм пленарных заседаний ГД, отобранных методом сплошной выборки за период весенней сессии ГД 2005 года (с 12 января по 8 июля). Весенняя сессия выбрана по принципу актуальности как последняя в ряду завершенных сессий ГД на момент начала настоящего исследования. Источником стенограмм является официальный сайт ГД.

В политической практике исследуемого периода укоренилась качественно новая для постсоветской России ситуация. Закончилось традиционное противостояние, существовавшее между законодательной

властью с одной стороны, Президентом и исполнительной властью с другой. Глава государства получил поддержку не только большинства граждан страны, проголосовавших за него на выборах, но и большинства членов парламента. Причиной этого стали следующие события в общественно-политической жизни страны. Во-первых, в результате «укрепления вертикали власти» региональные элиты, формирующие верхнюю палату Федерального Собрания, потеряли относительную независимость от федерального центра и заняли пропрезидентскую позицию. Во-вторых, большинство мест в ГД получили представители так называемой «партии власти», безоговорочно поддерживающие политику Президента. Особенно заметным стало изменение ситуации в нижней палате, деятельность которой более публична, что объясняется прежде всего порядком ее формирования: депутатов избирают на прямых всенародных выборах, поэтому и депутаты, и потенциальные избиратели заинтересованы в том, чтобы работа Думы широко освещалась.

В таких условиях происходило активное реформирование российской политической системы. Среди прочего, был принят закон, предусматривающий новый порядок формирования ГД. Его действие существенно изменит правила игры. Поэтому можно сказать, что наш материал характеризует уже уходящий период в жизни российского парламента. Так, действующая в настоящее время Дума четвертого созыва формировалась по смешанной системе: половину депутатов избирали по партийным спискам, а половину – по одномандатным округам. Поэтому в Думе представлены не только депутаты, избранные от партий и объединенные во фракции по партийному признаку, но и так называемые независимые депутаты, не состоящие в депутатских объединениях и представляющие такие политические силы, которые не имеют собственных фракций. В соответствии с новым законом выборы будут проходить исключительно по партийным спискам. Поэтому все депутаты следующего созыва будут состоять во фракциях тех партий, по спискам которых они прошли в Думу. Другие политические силы в нижней палате представлены не будут. Вероятно, в ГД следующего созыва уменьшится и количество фракций. Это связано с тем, что в соответствии с новым законом партии, участвующей в выборах, для прохождения в Думу необходимо набрать не пять, как сейчас, а семь процентов от общего числа голосов избирателей. В то же время неизменной, скорее всего, останется пропрезидентская ориентация вновь избранной ГД.

Специфика исследуемого материала заключается в том, что стенограммы фиксируют **официальный** текст пленарного заседания, а не

совокупный текст, порождаемый в рамках данного коммуникативного события. К официальному тексту относятся результаты речевой деятельности коммуникантов, осуществленной с соблюдением особых институциональных правил. Другими словами, для того чтобы высказывание вошло в стенограмму, его надо произнести в микрофон с разрешения председательствующего. Все прочие высказывания, например разговоры коммуникантов между собой, выкрики из зала и т.п., в официальный текст пленарного заседания не входят. В него также не входят тексты документов, с которыми коммуниканты знакомятся на заседании, если эти тексты не были озвучены с трибуны. В то же время стенограмма содержит данные о каждом коммуниканте, осуществляющем высказывание, даже в том случае, если они не были озвучены на пленарном заседании. В ней также фиксируется некоторая дополнительная информация, характеризующая ситуацию общения. Это делается с помощью специальных помет, например: «Из зала. (Не слышно.)»; «(Оживление в зале)»; «(Смех в зале)»; «(Шум в зале)» и др.

Методика исследования. В настоящем исследовании текст рассматривается как инструмент социального взаимодействия, что соответствует *коммуникативной модели текста*, разработанной О.И.Москальской. Текст анализируется в связи с ситуацией общения, а его закономерности объясняются коммуникативно-прагматически.

Для анализа пленарного заседания ГД в дискурсивном аспекте как текста в совокупности с экстралингвистическими факторами использованы дискурсивные методики (см.: О.Ф.Русакова, Л.Г.Фишман, Э.В.Чепкина).

В работе использованы информативно-целевой и предметно-содержательный подходы к анализу текста. При информативно-целевом (шире – мотивационно-целевом) анализе «прежде всего выясняются мотив и цель деятельности общения, в которой порождается и интерпретируется текст, а уже затем рассматривается тот материал (тема), на котором этот мотив и эта цель реализуется» (Т.М.Дридзе; см. также: Т.В.Карих). Предметно-содержательный анализ текста предполагает поиск ответов на следующие вопросы: *о чем говорится в тексте?* (выявление предмета речи текста), *что говорится?* (основной признак предмета речи) и *как говорится?* (с помощью каких языковых средств) (Т.М.Дридзе; см. также: Т.В.Карих).

Также использованы логический и функциональный анализ как типы структурного описания текста (см.: А.И.Новиков).

Кроме того, на разных этапах работы применялись общенаучный описательно-аналитический метод с его основными приемами: наблюдением, интерпретацией, обобщением и классификацией; а также частнонаучные

методы: семантический и структурный анализ текста. Для анализа организационной структуры ГД использован структурно-функциональный метод (см.: С.В.Сивуха).

Актуальность исследования. Обращение к изучению пленарного заседания ГД связано с устойчивым научным интересом к политическому дискурсу (см., например, работы А.Н.Баранова, Р.Водак, М.В.Гавриловой, Н.А.Герасименко, В.З.Демьянкова, Ж.-Ж.Куртина, А.Н.Петрика и О.В.Петрик, О.Ф.Русаковой, П.Серио, Ю.Б.Феденевой, Т.Г.Федотовских, А.И.Хмельцова, А.П.Чудинова, Е.И.Шейгал, Т.А. van Dijk). В то же время число отечественных лингвистических исследований, посвященных парламентскому дискурсу, который представляет собой существенную часть политической коммуникации, не так велико.

Не утратило актуальности и исследование текста. Первоначально к текстам были отнесены исключительно письменные произведения (И.Р.Гальперин). Однако исследователи традиционно обращают особое внимание на феномены, не соответствующие существующим критериям текстуальности, и постепенно вовлекают их в сферу научных интересов лингвистики текста. Так, в качестве текстов стали рассматривать продукты устной речи, в том числе разговорный диалог (М.В.Китайгородская, Н.А.Купина, И.Г.Сибирякова, Е.Н.Ширяев). В настоящее время особенно актуальным представляется изучение сложных диалогических текстов, к которым относится и пленарное заседание ГД (см., например, работы Н.Е.Богуславской и И.А.Гиниатуллина, С.Ю.Данилова, Т.И.Красновой и Л.М.Майдановой, Т.В.Матвеевой, А.П.Романенко и З.С.Санджи-Гаряевой).

Исследуемый материал позволяет детально рассмотреть такое свойство парламентского дискурса, как институциональность, и влияние этого дискурсивного свойства на структурирование текстов – продуктов данного дискурса.

Цель работы – описание текста пленарного заседания ГД как сложного диалогического образования, организованного по правилам институционального парламентского дискурса и реализующего редакционно-санкционирующую деятельность коммуникантов, результатом которой является изменение статуса объекта, а именно превращение рассматриваемого законопроекта в Закон или в «ноль». Для достижения этой цели в работе поставлены и решены следующие задачи: 1) показать, что специфика институциональности парламентского дискурса определяет основные свойства пленарного заседания как коммуникативного события и текста, в том числе его прагматическую направленность; 2) показать, каким

образом агональность (системообразующее свойство политического дискурса) отражается в парламентском дискурсе, в частности, в пленарном заседании как тексте; 3) описать специфику институционального голоса основных коммуникантов парламентского дискурса, участвующих в пленарном заседании; 4) доказать, что пленарное заседание является текстом, прагматическая установка которого заключается в реализации повестки дня; 5) доказать, что прагматическим центром текста пленарного заседания является рассмотрение законопроекта; 6) выявить специфику аргументации, используемой при рассмотрении законопроектов, как средства реализации целей участников пленарного заседания.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Текст пленарного заседания ГД как основная форма реализации парламентского дискурса разворачивается в соответствии с институциональными правилами (которые являются составляющими дискурсивной практики) в условиях агональности (которая является результатом различной идеологической ориентации коммуникантов и представляемых ими институтов).

2. Коммуниканты парламентского дискурса, участвующие в пленарном заседании, обладают институциональным голосом, который определяется их включением в институциональную структуру ГД, а также институциональной ролью, исполняемой на данном пленарном заседании.

3. Прагматическая установка текста пленарного заседания, которая заключается в реализации повестки дня, обеспечивает целостность данного текста и реализацию цели парламентского дискурса (законодательной деятельности).

4. Особая роль в организации текста пленарного заседания принадлежит председательствующему на заседании, результат речевой деятельности которого – подчиненный институциональным нормам метатекст, определяющий целостность, связность и отдельность текста пленарного заседания ГД.

5. Рассмотрение законопроекта как прагматический центр текста пленарного заседания представляет собой вторичный субтекст (текст) парламентского дискурса, предметом которого является рассматриваемый законопроект, превращающийся в результате редакционно-санкционирующей деятельности вторых авторов в Закон или в отклоненный законопроект.

6. Особую роль в парламентской аргументации играют: фактор «субъект оценки», различные способы воспроизведения текста рассматриваемого законопроекта, создание эффекта «плюрализм мнений».

7. В современном российском парламентском дискурсе существуют экстралингвистические препятствия аргументационной деятельности, связанные с институциональным ограничением свободы депутатов и наличием парламентского большинства.

Теоретическая значимость исследования определяется его междисциплинарным характером. Анализ текста пленарного заседания ГД в дискурсивном аспекте значим для политической дискурсологии и теории дискурса в целом, в связи с тем что парламентская часть системы политического дискурса наименее изучена. В работе описана специфика проявления текстообразующих категорий в тексте пленарного заседания ГД в связи с институциональным характером порождающего его парламентского дискурса, что соответствует интересам лингвистики текста. При этом текст пленарного заседания изучается в связи с коммуникативным событием и теми целями, которые данный текст реализует. Исследуется субтекст (текст) рассмотрения законопроекта как прагматический центр текста пленарного заседания, что представляет интерес для прагмалингвистики.

Научная новизна исследования обусловлена его объектом и предметом. Комплексный анализ дискурсивного, текстового и прагматического аспектов пленарного заседания ГД прежде в лингвистической науке не производился. Впервые текст пленарного заседания ГД рассматривается как редакционно-санкционирующий «инструмент» порождения текста Закона.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в учебных целях: при подготовке спецкурсов и спецсеминаров на филологических факультетах, а также факультетах политологии и социологии. Кроме того, результаты исследования могут быть полезны журналистам, специализирующимся на освещении и анализе политических и особенно парламентских событий, профессиональным политикам и политконсультантам.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения настоящего исследования изложены на межвузовской научно-практической конференции «Средства массовой информации в современном мире. Молодые исследователи» (Санкт-Петербург, 2005), международной научно-практической конференции «Власть и властные отношения в современном мире» (г. Екатеринбург, 2006), всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность» (Екатеринбург, 2006), всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию факультета журналистики Уральского госуниверситета им. А.М.Горького

(Екатеринбург, 2006). Диссертация дважды обсуждалась на заседаниях кафедры русского языка и стилистики факультета журналистики Уральского государственного университета им. А.М.Горького.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы выбор темы исследования, ее актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, сформулированы цель и задачи работы, описаны материал и методика его изучения, определены положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Пленарное заседание Государственной Думы: дискурсивный аспект»

В *параграфе 1 «Пленарное заседание как форма реализации парламентского дискурса»* определены понятия «дискурс», «политический дискурс» и «парламентский дискурс», охарактеризована институциональная структура ГД, влияющая на дискурс нижней палаты, выявлена специфика пленарного заседания ГД как коммуникативного события парламентского дискурса.

Термин «дискурс» используется в различных научных и философских дисциплинах, однако его общепринятого определения не существует (обзор основных подходов представлен в работах М.Я.Дымарского, В.В.Красных, Ю.Е.Прохорова, О.Г.Ревзиной, О.Ф.Русаковой, П.Серио, В.Е.Фельдмана, А.И.Хмельцова, Э.В.Чепкиной). В нашем исследовании под дискурсом понимается «социально обусловленная организация системы речи и действия» (Современный философский словарь). Важное значение для понимания политического дискурса (политической коммуникации) имеют работы А.Н.Баранова, Р.Водак, М.В.Гавриловой, Н.А.Герасименко, В.З.Демьянкова, О.Ф.Русаковой, П.Серио, Ю.Б.Феденевой, Т.Г.Федотовских, А.И.Хмельцова, А.П.Чудинова, Е.И.Шейгал, Т.А. van Dijk. Как показала Е.И.Шейгал, базовой интенцией политического дискурса является борьба за власть. Его основными свойствами исследователи называют агональность и институциональность (Е.И.Шейгал, Т.А. van Dijk).

Парламентский дискурс представляет собой часть политической коммуникации и отражает ее основные характеристики, а именно властную интенцию, агональность и институциональность (исследования парламентского дискурса представлены в работах С.И.Виноградова,

Л.К.Граудиной, В.П.Даниленко, Е.М.Лазуткиной, С.В.Мошкина, Е.Н.Ширяева, Т.А. van Dijk).

В.И.Карасик отмечает, что для каждого типа институционального общения определяющими являются цель и прототипное место общения, а также статусно-ролевые характеристики участников. В соответствии с этим при анализе парламентского дискурса нами выделена его специфическая интенция, описана институциональная структура ГД, подробно охарактеризованы коммуниканты.

Специфической интенцией парламентского дискурса является осуществление законодательной деятельности. Данный дискурс реализуется в работе всех представительных органов законодательной власти (парламентов). В центре нашего внимания находится дискурс нижней палаты Федерального Собрания Российской Федерации – Государственной Думы.

На дискурс ГД влияет не просто то прототипное место, в котором происходит общение, но структура ГД, которая, в свою очередь, складывается из двух разнородных подструктур – функционально-организационной и идеологически-организационной. Первая упорядочивает работу ГД по функциональному принципу. Ее основными элементами являются руководство ГД (председатель и его заместители), Совет ГД, комитеты и комиссии. Вторая упорядочивает идеологические отношения внутри ГД и состоит из депутатских объединений (фракций и депутатских групп).

Все особенности парламентского дискурса проявляются в пленарном заседании ГД, которое представляет собой основную форму реализации названного дискурса. Оно является выражением властных полномочий ГД. Парламентские решения принимаются исключительно на пленарных заседаниях, поэтому вся прочая деятельность палаты имеет вспомогательный характер. Пленарное заседание как публичная часть парламентского дискурса «является тем кодом, в соответствии с которым власть себя предьявляет и в соответствии с которым, по ее же собственному предписанию, ее и нужно мыслить» (М.Фуко).

В *параграфе 2 «Коммуниканты парламентского дискурса»* классифицированы коммуниканты парламентского дискурса, участвующие в пленарном заседании, охарактеризованы понятия институциональной модели коммуниканта и институционального голоса.

Основными коммуникантами парламентского дискурса являются депутаты. Они обладают правом участвовать в голосовании, посредством которого осуществляется принятие парламентских решений. Невербальные

знаки, с помощью которых осуществляется голосование (нажатие на кнопку или отметка в бюллетене), по своей природе идентичны речевым феноменам, известным как перформативы. Ср.: 1) *Я голосую «за»* или *Я поддерживаю предложение*; 2) *Я голосую «против»* или *Я не поддерживаю (отвергаю) предложение*; 3) *Я воздерживаюсь от выражения своей позиции по данному предложению*. Эти высказывания, назовем их вербальными знаками голосования, могут использоваться точно так же, как соответствующие невербальные знаки. По классификации Дж.Р.Серля, перечисленные речевые акты относятся к *декларациям* – перформативам, устанавливающим «соответствие между пропозициональным содержанием и реальностью <...> Декларации вносят изменения в статус или условия указываемых объектов уже в силу самого того факта, что декларирование было осуществлено успешно». Так, голосование каждого депутата меняет условия существования рассматриваемого предложения: приближает его к принятию или к отклонению. А в результате коллективных действий депутатов данное предложение меняет свой статус: переходит в разряд принятых или отклоненных.

Выступая на пленарных заседаниях, депутаты выражают позицию представляемого ими органа ГД (комитета, комиссии, фракции), что ведет к появлению институционального голоса, под которым понимается тип говорения (речи), связанный с исполнением институциональной роли и отстраненный от личных характеристик говорящего (ср: В.И.Карасик, P.Chilton). Институциональный голос специфическим образом сказывается на характеристике модусной категории авторизации (Т.В.Шмелева). Депутаты используют подчеркнутые нами авторизационные ключи, позволяющие квалифицировать излагаемую информацию как институциональную и указать на тот институт, позиция которого выражается: *Поэтому от имени фракции я требую отставки губернатора Ямало-Ненецкого округа Неёлова!* (В.В.Жириновский. 30.03.2005). *Комитет по бюджету и налогам рекомендует принять данный законопроект в третьем чтении* (И.Н.Руденский. 12.05.2005).

Личность говорящего не оказывает существенного влияния на содержание этих выступлений: оно оказывается заданным извне. В результате происходит трансформация позиции адресанта, ведущая к исключению личности из речи. Особенно ярко отстранение внутритекстового субъекта речи от личности говорящего проявляется в выступлениях от третьего лица (второй фрагмент). С содержательной точки зрения, выступление от третьего лица дает возможность добиться двух

противоположных эффектов. С одной стороны, такая форма высказывания позволяет продемонстрировать единство личной и институциональной позиций. С другой стороны – отделить личность говорящего от структуры: таким способом депутат может выразить позицию, с которой лично не согласен, продемонстрировать это несогласие. Однако здесь существуют некоторые ограничения. Депутат может возражать против позиции элемента функционально-организационной структуры, в состав которого он входит (Совета Думы, комитета, комиссии). Но выражение мнения, отличного от позиции элемента идеологически-организационной структуры, например своей фракции, оказывается недопустимым. Элементы этой структуры объединяют депутатов по идеологическому принципу, поэтому разногласия ведут к нарушению интегрирующих связей. В связи с этим фракции ограничивают свободу слова своих представителей, а «инакомыслящих» исключают из своего состава. Следует также отметить, что между элементами идеологически-организационной структуры, представляющими интересы различных социальных групп, существуют отношения агональности, что и обуславливает высокую концентрацию агрессии в парламентском дискурсе: выступления от фракций, как правило, более агрессивны, чем речи представителей элементов функционально-организационной структуры.

Наш материал показывает, что депутаты выражают не только мнение элементов структур, в которые они входят, но и личное мнение. Другими словами, кроме институционального, в их выступлениях звучит и личный голос: *Фракция «Родина» целиком и полностью поддерживает проект закона о создании нашей авиационной базы на территории Киргизии по ее просьбе. В то же время я лично по многим позициям разделяю ту обеспокоенность, которую сейчас высказал коллега-депутат Митрофанов* (В.И.Варенников. 8.07.2005).

В.И.Варенников сначала озвучивает институциональную позицию фракции «Родина», а затем с помощью подчеркнутого нами знака переключения переходит к формулированию личной позиции. Не вступая в противоречия с позицией фракции в целом, говорящий частично соглашается с мнением политического оппонента. Возможно, вся фракция «Родина» согласится со словами депутата Митрофанова, но В.И.Варенников не наделен полномочиями выражать мнение фракции по данному вопросу. Потому он разграничивает институциональное и личное мнение: фракция поддерживает законопроект, депутат Варенников поддерживает и законопроект, и мнение А.В.Митрофанова.

На институциональный голос депутата также оказывает влияние та локальная роль, которую он исполняет на данном пленарном заседании. Выделяются локальные роли председательствующего, докладчика, содокладчика и др. Наиболее интересной представляется роль председательствующего, которую обычно исполняет спикер палаты. Институциональный голос председательствующего модифицируется: он формируется под влиянием локальной роли, которая накладывает ограничения на выражение идеологической позиции депутата, исполняющего эту роль. В связи с этим председательствующий не говорит от имени своей фракции. В то же время он продолжает действовать как руководитель ГД:

Н.М.Безбородов. *Есть предложение, очень убедительная просьба: включить (законопроект) в повестку пленарного заседания на 18 марта текущего года.*

Председательствующий Б.В.Грызлов. *Спасибо, Николай Максимович. Завтра на Совете мы этот вопрос включим в повестку дня на 18-е (16.03.2005).*

Здесь Б.В.Грызлов выступает не только как председательствующий на данном пленарном заседании, но и как Председатель нижней палаты, который, среди прочего, руководит Советом ГД.

Глава 2 «Пленарное заседание Государственной Думы как текст парламентского дискурса»

В *параграфе 1 «Текст и текстообразование»* рассмотрены основные свойства текстуальности, выделяемые И.Р.Гальпериным, Л.П.Доблаевым, Т.М.Дридзе, Н.А.Купиной, А.А.Леонтьевым, Л.М.Лосевой, Л.М.Майдановой, Т.В.Матвеевой, Л.Н.Мурзиным и А.С.Штерн, Т.М.Николаевой, Л.В.Сахарным. В результате текст определен как продукт дискурса, реализующий прагматическую установку и обладающий свойствами целостности, связности, отдельности (отдельности-завершенности). Отмечена возможность динамического подхода к тексту, связанного в том числе с анализом процесса текстообразования (см. работы Р.Барта, М.М.Бахтина, М.Я.Дымарского, О.И.Москальской, Л.Н.Мурзина и А.С.Штерн, А.И.Новикова, К.А.Филиппова).

В *параграфе 2 «Специфика образования текста пленарного заседания ГД»* показано, что рассматриваемый текст сложно структурирован, а процесс его образования регулируется институциональными правилами парламентского дискурса. Эти правила определяют прагматическую установку текста пленарного заседания ГД, которая заключается в реализации повестки дня (или, если использовать парламентскую

терминологию, порядка работы) и обеспечивает целостность образуемого текста. Но как обеспечивается реализация повестки дня в условиях, когда взаимодействует значительное число коммуникантов, между которыми существуют отношения агональности? Механизмом, позволяющим организовать текст в соответствии с принятым порядком работы, является речевая деятельность председательствующего на пленарном заседании.

В *параграфе 3 «Структура текста пленарного заседания ГД: система субтекстов»* показано, что пленарное заседание ГД представляет собой сложный (составной) текст, состоящий из значительного количества субтекстов, обладающих высоким уровнем автосемантии, что позволяет рассматривать их и в качестве относительно самостоятельных текстов (см.: Б.М.Гаспаров, Э.А.Лазарева, А.А.Леонтьев). Элементарной единицей текста пленарного заседания являются субтексты, представляющие собой монологи коммуникантов. Их границей является смена отправителя речи. Для обозначения данных субтекстов как класса используется термин «выступления». К выступлениям относятся субтексты разных жанров, например: доклады, содоклады, собственно выступления разных типов, вопросы, ответы, реплики и др.

Выступления – это простые (несоставные) субтексты, которые включены в текст пленарного заседания как напрямую, так и опосредованно. В первом случае выступления непосредственно связаны с текстом пленарного заседания и не входят в какой-либо другой субтекст. Во втором случае они сгруппированы по какому-либо признаку, и их совокупность представлена в виде субтекста более высокого порядка. Эти сложные (составные) субтексты, назовем их рассмотренными, также включены в текст пленарного заседания двумя способами: напрямую или посредством других сложных субтекстов. Учитывая, что целью пленарного заседания является реализация повестки дня, его основным структурным элементом следует считать субтекст рассмотрения вопроса (пункта) повестки дня.

В *параграфе 4 «Порядок работы пленарного заседания: целостность текста»* развивается идея о том, что целостность текста пленарного заседания ГД является результатом воплощения в нем его прагматической установки, экспликацией которой выступает повестка дня. Ее обсуждение и принятие происходит непосредственно на пленарном заседании, в результате чего образуется особый субтекст рассмотрения повестки дня. Предметом речи этого субтекста является не только порядок работы как самостоятельный документ, но и весь текст пленарного заседания: его смысловая структура и композиция. Следовательно, рассмотрение

повестки дня представляет собой метатекстовый элемент, опосредованно (через повестку дня) организующий текст пленарного заседания ГД.

Повестка дня устанавливает набор предметов речи текста пленарного заседания ГД, тем самым определяя его политематический характер. Соответственно текст сегментируется по тематическому признаку: он членится на субтексты – рассмотрения пунктов повестки дня. С другой стороны, порядок работы обеспечивает интеграцию выделенных субтекстов. В результате реализации порядка работы образуется целостный текст пленарного заседания, который характеризуется прагматическим, но не тематическим единством.

Повестка дня предусматривает образование сквозных номинационных цепочек, которые обеспечивают не только связность текста, но и его целостность. Это происходит за счет специфического способа номинации, предполагающего соотношение называемого предмета речи с повесткой дня, например: *Пункт 3 повестки дня, о проекте федерального закона...* Указание на номер пункта повестки дня позволяет не только обозначить предмет речи, но и указать на нечто целое, частью которого названный пункт является, – на повестку дня. Таким образом, выявляются интегрирующие связи данного пункта с порядком работы, то есть обеспечивается не горизонтальная связность текста, а его вертикальная организация. Данный способ номинации является средством интеграции и способствует обеспечению целостности текста.

В **параграфе 5 «Председательствующий: целостность, отдельность, связность текста пленарного заседания ГД»** характеризуется речевая деятельность председательствующего, воплощенная в специфических репликах и обеспечивающая развертывание текста пленарного заседания в соответствии с принятой повесткой дня и существующими институциональными правилами. Реплики председательствующего образуют метатекст, организующий текст пленарного заседания ГД. Основой для классификации текстоорганизующих реплик является выделение частной функции, которую они выполняют. Выделяются реплики, организующие 1) стандартные парламентские процедуры (голосование, запись на выступления, регистрацию); 2) выступления; 3) рассмотрения; 4) текст пленарного заседания в целом. Следует отметить, что текстоорганизующая реплика может быть многофункциональной и включать в себя несколько высказываний, выполняющих различные частные текстоорганизующие функции.

Текстоорганизующие реплики являются механизмом реализации повестки дня, а значит, механизмом воплощения в тексте пленарного заседания его прагматической установки. Следовательно, эти реплики обеспечивают целостность текста пленарного заседания, понимаемую как соответствие содержания данного текста его прагматической установке.

Текстоорганизующие реплики председательствующего обеспечивают также связность текста пленарного заседания: *Уважаемые коллеги, мы рассмотрели все вопросы, связанные с порядком работы. Я ставлю на голосование наш порядок работы в целом. Прошу включить режим голосования. Покажите результаты голосования. Принимается. Пункт 2, о проекте федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О судебной системе Российской Федерации"». Доклад председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Владимира Николаевича Плигина. Пожалуйста, Владимир Николаевич (11.03.2005).*

В приведенном фрагменте председательствующий с помощью текстоорганизующих реплик обеспечивает переход к процедуре голосования по повестке дня, оформляет эту процедуру, после чего обеспечивает переход от субтекста рассмотрения повестки дня к субтексту рассмотрения законопроекта и включает в это рассмотрение выступление докладчика. Оформляя переход от одного сегмента текста к другому, текстоорганизующие реплики председательствующего обеспечивают формальную связность выделенных сегментов и текста пленарного заседания ГД в целом. При этом смена председательствующего, как показывает наш материал, не оказывает влияние на связность текста.

Отдельность текста пленарного заседания ГД также обеспечивается текстоорганизующими репликами председательствующего, которые оформляют начало и концовку данного текста: *Уважаемые коллеги, добрый день! Прошу включить режим регистрации. Покажите результаты регистрации. Кворум имеется (16.03.2005). Спасибо. Коллеги, мы исчерпали наши вопросы. Всего доброго! Хороших выходных. До свидания! (21.01.2005).*

Отметим, что физические границы текста пленарного заседания детерминированы не столько его внутренней, смысловой завершенностью, сколько институциональными правилами, которые представляются составляющими дискурсивной практики.

Глава 3 «Рассмотрение законопроекта как прагматический центр текста пленарного заседания Государственной Думы» посвящена анализу субтекста (текста) рассмотрения законопроекта, который является

прагматическим центром текста пленарного заседания ГД и обеспечивает реализацию интенции парламентского дискурса.

В *параграфе 1 «Рассмотрение законопроекта на пленарном заседании как вторичный текст парламентского дискурса»* раскрывается понятие вторичного текста и характеризуется специфика взаимодействия рассмотрения законопроекта как вторичного текста парламентского дискурса с первичным текстом законопроекта.

Вторичный текст определяется как текст, созданный на основе другого, первичного текста со сменой субъекта речевой деятельности: «первичный текст выступает как предмет, а вторичный – как результат этой деятельности» (Л.М.Майданова; см. также работы А.С.Гавенко, Н.Д.Голева и Н.В.Сайковой, М.А.Ширинкиной). Рассмотрение законопроекта представляет собой результат речевой деятельности вторых авторов, предметом которой является первичный текст законопроекта. Деятельность вторых авторов можно определить как редакционно-санкционирующую. Она проявляется в институционально предписанном взаимодействии с первичным текстом, предполагающем возможность редактирования (санкционирования изменений) данного текста, и завершается изменением статуса первичного текста, который становится либо отклоненным законопроектом, либо Законом и в этом случае начинает функционировать в пространстве правового дискурса.

Санкционирование изменений законопроекта может осуществляться без привлечения информации о содержании этих изменений (неинформативный способ) либо с привлечением такой информации (информативный способ). Покажем, как происходит неинформативное санкционирование изменений:

Н.М.Безбородов. *В установленный Государственной Думой срок поступили три поправки к законопроекту, все они Комитетом по обороне рекомендованы к принятию и содержатся в таблице 1.*

Председательствующий. *Уважаемые коллеги, есть ли замечания по таблице 1 поправок, рекомендуемых комитетом к принятию? Здесь три поправки. Нет. Ставится на голосование таблица 1 поправок, рекомендуемых комитетом к принятию. Кто за? Прошу голосовать. <...> Принято (10.06.2005).*

Второй способ – информативный – предполагает воспроизведение содержания поправок в тексте рассмотрения законопроекта. В результате выделяются специфические сигналы, характеризующие глубину, объем и способ правки. Сигналы глубины правки свидетельствуют о качественных

изменениях первичного текста, предусмотренных данной поправкой (под качественными изменениями понимаются изменения содержания). Они варьируются по степени: могут быть существенными, если корректируется смысловая структура текста, а также незначительными, если изменения содержания первичного текста не затрагивают его смысловую структуры. Сигналы объема правки свидетельствуют о количественных изменениях первичного текста: поправка может предусматривать изменение слова или нескольких слов, предложения или нескольких предложений в тексте рассматриваемого законопроекта. Существуют также сигналы способа правки. Под способом правки в данном случае понимаются действия, которые совершаются с первичным текстом в соответствии с данной поправкой. Поправка может предусматривать следующие способы правки: включение в текст дополнительного элемента (фрагмента); исключение из текста существующего элемента; замену существующего элемента новым элементом. Проиллюстрируем сказанное:

Поправка 139 относится к статье 22, касается ежегодного доклада Общественной палаты. <...> мое предложение – добавить в эту статью после слов «о состоянии гражданского общества в Российской Федерации» следующее положение: «в том числе об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в целом и каждого субъекта в отдельности за предыдущий год...» (Б.Г.Кибирев. 18.02.2005).

В выступлении депутата содержатся сигналы глубины, объема и способа правки. Способ правки – включение в текст нового фрагмента. Объем правки указан с помощью цитаты: это часть предложения, состоящая из значительного количества слов. В выступлении содержится и сигнал глубины правки: элемент «в том числе», с которого начинается цитируемый фрагмент, указывает на то, что новая информация лишь конкретизирует то, что уже было сказано. Таким образом, предлагаемые изменения не влияют на смысловую структуру первичного текста.

В результате деятельности вторых авторов в тексте рассмотрения законопроекта конструируется образ (образы) первичного текста, для чего в форме пересказа и/или цитаты воспроизводится текст законопроекта (его фрагмент или фрагменты), а также дословно и в полном объеме или в модифицированном виде воспроизводится заголовок текста законопроекта. Пересказ и цитирование законопроекта представляют собой внедрение в текст рассмотрения законопроекта ключевых смыслов первичного текста. Воспроизведение текста законопроекта, в том числе его заголовка (последний всегда содержит наименование предмета речи законопроекта), приводит к

появлению во вторичном тексте первичной номинационной цепи, то есть номинационной цепи первичного текста. Как показывает наш материал, создание образа законопроекта в тексте рассмотрения предполагает включение первичного текста в законотворческий, правовой и ситуационно-регулятивный контексты.

1. Законотворческий контекст информирует о прошлом и потенциальном будущем рассматриваемого законопроекта. Он делится на внутренний и внешний. Первый информирует о работе над законопроектом, осуществляемой внутри ГД, второй – о законотворческой деятельности других институтов: *Но в целом наш комитет очень внимательно проект рассмотрел, отнесся к нему с большим уважением, и мы просим Государственную Думу сегодня в первом чтении поддержать, а дальше мы с учетом всех замечаний его доработаем* (В.А.Рыжков. 13.04.2005). *Вчера на заседании правительственной комиссии мы рассматривали этот вопрос, и было принято решение согласиться с принятием данного законопроекта в первом чтении* (А.В.Логинов. 12.05.2005).

Из приведенных примеров видно, что внутренний контекст (фрагмент 1) состоит из интрадискурсивных следов (ссылок), указывающих на внутреннее пространство парламентского дискурса. Внешний контекст (фрагмент 2) состоит из интердискурсивных следов (ссылок), указывающих на коммуникативные события иных дискурсов.

2. Правовой контекст характеризует связи обсуждаемого проекта с другими законодательными инициативами и нормативно-правовыми актами. С его помощью происходит включение будущего закона в контекст правового дискурса.

3. Ситуационно-регулятивный контекст информирует о положении дел в сфере регулирования рассматриваемого законопроекта. Он делится на два типа. Первый характеризует положение дел без учета действия законопроекта: описывается ситуация, которая имела, имеет и, возможно, будет иметь место в условиях отсутствия соответствующего закона. Негативная оценка ситуации свидетельствует о необходимости принятия рассматриваемого законопроекта (и наоборот). Второй тип контекста характеризует положение дел с учетом возможного действия рассматриваемого законопроекта: описывается ситуация, которая имела бы место в настоящем, прошлом или будущем, если бы данный законопроект функционировал. В этом случае негативная оценка ситуации, напротив, говорит о том, что законопроект следует отклонить (и наоборот).

В случае, если характеризуется положение дел в сферах, напрямую не регулируемых обсуждаемым проектом, происходит тематическое расширение текста рассмотрения законопроекта, то есть включение в обсуждение все новых и новых тем, каким-то образом связанных с темой обсуждения. При этом связь может быть как прямой (логической), так и косвенной (образной).

В *параграфе 2 «Специфика аргументации в тексте рассмотрения законопроекта»* показано, что субтекст рассмотрения законопроекта является пространством, в котором происходит столкновение парламентской аргументации вторых авторов, стремящихся реализовать в тексте собственный замысел, выявлена специфика аргументации в тексте рассмотрения законопроекта.

Феномен аргументации находится в центре внимания представителей различных научных и философских дисциплин уже несколько тысячелетий (см., например, работы А.П.Алексеева, Аристотеля, В.Ф.Асмуса, Г.А.Брутяна, В.З.Демьянкова, А.А.Ивина, А.В.Калачинского, В.И.Курбатова, Л.М.Майдановой, Ю.К.Мельвиля, С.И.Поварнина, А.А.Старченко и Ш.Бовао, А.А.Тертычного, Т.П.Третьяковой, А.П.Чудинова, Т.А.van Dijk, W.Grennan, K.Lambert & W.Ulrich, Ch.Perelman, Ch.A.Willard). Под аргументацией понимается речевая деятельность, осуществляемая аргументатором (субъектом аргументации) и направленная на то, чтобы реципиент (объект аргументации) принял аргументируемое положение (тезис).

Рассматриваемый материал показывает, что типичными способами и приемами аргументации в тексте рассмотрения законопроекта являются обращение к авторитетному мнению, воспроизведение первичного текста и использование «плюрализма мнений».

В условиях парламентского дискурса наиболее авторитетным является мнение политических институтов. Оно используется коммуникантами для аргументации своей позиции. Институциональное мнение выражается двумя способами: посредством институционального голоса, о котором уже было сказано, а также посредством ссылки на данное мнение третьего лица: *Это, уважаемые депутаты, законопроект, который поддерживается Правительством Российской Федерации, на него получен положительный отзыв Правительства России. Я это особо подчеркиваю* (Н.Д.Ковалев. 2.03.2005).

Н.Д.Ковалев делает доклад от имени Комитета по делам ветеранов, разработавшего обсуждаемый проект. Институциональное мнение этого органа ГД раскрывается в его выступлении. Кроме того, говорящий обращается к мнению другого института – Правительства Российской

Федерации. Очевидно, что мнение Правительства докладчик считает убедительным доводом в поддержку законопроекта. Однако вес институционального мнения зависит от идеологической позиции реципиента (ср. с полиидеологизированной лексикой). Поэтому мнение власти не является столь авторитетным для представителей оппозиции. Эта мысль была сформулирована в выступлении члена КПРФ А.Е.Локотя: *Так у нас правительство сегодня поддерживает то, в результате чего народ на улицы выходит, и критикует то, что кажется нам насущным и важным для сегодняшнего дня* (12.01.2005).

Для обоснования тезисов, связанных с интерпретацией рассматриваемого законопроекта, аргументаторы воспроизводят первичный текст в форме пересказа или цитирования. Например: *В заключении Комитета по труду и социальной политике сделано замечание, что не определен источник и порядок финансирования. Но статья 2 законопроекта гласит: финансирование выплаты базовой части трудовой пенсии в увеличенном размере осуществляется за счет источников, из которых финансируется выплата базовой части трудовой пенсии. По-моему, все понятно* (В.Б.Савостьянова. 27.05.2005).

Депутат Савостьянова сначала приводит аргумент своих оппонентов, затем в качестве опровержения воспроизводит фрагмент из текста обсуждаемого проекта. В результате происходит своеобразное столкновение двух интерпретаций одного и того же первичного текста. Но мнение В.Б.Савостьяновой является более убедительным, потому что содержит точную ссылку на статью законопроекта и воспроизведение фрагмента первичного текста. Таким образом, обращение к тексту законопроекта используется как обоснование суждения (источник и порядок финансирования определен), подтверждающего главный тезис (законопроект следует принять). Отметим, что при воспроизведении первичного текста в целях аргументации важно, чтобы в выступлении была продемонстрирована связь тезиса с воспроизводимым фрагментом. В противном случае появляется дефект аргументации, который препятствует реализации ее целей.

При рассмотрении законопроекта также активно используется прием, получивший название «плюрализм мнений». Он используется с тремя различными интенциями: во-первых, чтобы проинформировать аудиторию о наличии иного мнения; во-вторых, чтобы в дальнейшем опровергнуть иное мнение и тем самым утвердить свою позицию; и, в-третьих, чтобы частично принять иное мнение, соответствующим образом скорректировав свое.

В заключение следует отметить, что анализ текстов рассмотрения законопроекта выявил два экстралингвистических препятствия аргументационной деятельности, существующих в современном российском парламентском дискурсе. Первое связано с ограниченной свободой реципиента аргументации, второе – с наличием парламентского большинства, не нуждающегося в согласовании интересов с представителями оппозиционных фракций. В таких условиях возможность повлиять на процесс принятия парламентских решений с помощью аргументационной деятельности существенно ограничена. Поэтому депутаты (как правило, от оппозиции) ориентированы на иной способ реализации власти: их выступления часто обращены не к коллегам по Думе, а напрямую к избирателю, коммуникация с которым осуществляется посредством СМИ. Другими словами, когда борьба за законопроект становится невозможной, начинается борьба за электорат.

В **Заключении** подведены итоги работы, а также намечены перспективы исследования, связанные прежде всего с анализом тех изменений, которые произойдут в парламентском дискурсе и в текстах пленарных заседаний после избрания ГД пятого созыва, формирование которой будет осуществляться по новым правилам. Эти правила, вероятно, повлекут существенные изменения в идеологически-организационной структуре ГД, что отразится на институциональном голосе коммуникантов, а также на специфике агональных отношений, существующих между представителями разных фракций.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Каблуков Е.В. Рассмотрение законопроекта как вторичный текст / Е.В.Каблуков // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 20. С. 74–84.

2. Каблуков Е.В. Метаморфозы агональности в современном парламентском дискурсе / Е.В.Каблуков, Л.М.Майданова // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Колл. монография / Отв. редакторы: И.Г.Вепрева, Н.А.Купина, О.А.Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 258–277.

3. Каблуков Е.В. Концентрация вербальной агрессии в политическом дискурсе / Е.В.Каблуков // Журналистика. Молодые исследователи / Под ред. А. С. Быковой. СПб.: Лаборатория оперативной печати ф-та журналистики СПбГУ, 2006. Вып. 4: Межвузовский сборник научных работ студентов и аспирантов. С. 42–48.

4. Каблуков Е.В. Концентрация вербальной агрессии в политическом дискурсе / Е.В.Каблуков // Молодые исследователи журналистики: Сб. научн. работ аспирантов и студентов, посвящ. 70-летию уральской школы журналистики / Ред.-сост. Л.М.Макушин. Екатеринбург: Ред-изд. центр ф-та журналистики УрГУ, 2006. С. 25–32.

5. Каблуков Е.В. Формирование имиджа в парламентском дискурсе / Е.В.Каблуков // Власть и властные отношения в современном мире: Материалы IX научно-практической конференции, приуроченной к 15-летию Гуманитарного университета (г. Екатеринбург) 30–31 марта 2006 года: Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. Т. 1. С. 545–548.

6. Каблуков Е.В. Формирование институционального голоса в парламентском дискурсе / Е.В.Каблуков // Факс. Журнал уральских журналистов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию факультета журналистики Уральского госуниверситета им. А.М.Горького. 2006. № 1–2. С. 20–25.

7. Каблуков Е.В. Языковая игра в современном парламентском дискурсе / Е.В.Каблуков // Языковая игра. Детская речь: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность», Екатеринбург, 23-25 апреля 2006 г. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. С. 76–83.

Подписано в печать 2007. Формат 60×84 1/16.

Бумага типографская. Усл. печ. л. 1

Тираж 100 экз. Заказ № . Печать офсетная

Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ